

С.Г. Агапова, Е.С. Милькевич

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Современная лингвистика характеризуется акцентированием внимания на коммуникативных аспектах языка и речи. С этих позиций диалогическая речь представляет особый интерес, так как позволяет представить речевые портреты адресата и адресанта речи, их взаимосвязь в процессе коммуникации, а также ситуацию общения.

Выделение категорий текста является основой его научного изучения. Диалогический текст обладает особым статусом, который обуславливает определенную систему категорий. Выделяют две группы категорий: конституирующие и регулятивные. Первая группа категорий, таких как когезия, когерентность, интенциональность и некоторые другие, определяет диалог как вид текста. Вторая группа категорий рассматривает диалог как процесс коммуникации, подчиненный определенным принципам. К ним относятся эффективность, воздействие, соответствие. Изучение указанных групп категорий позволяет представить всестороннее и многомерное исследование диалога как объекта лингвистического исследования.

Изучение любого объекта лингвистического исследования, очевидно, следует начинать с определения его онтологии, с выделения его основных характеристик, свойств, признаков. Наиболее общие и существенные признаки текста как объекта лингвистического изучения отражаются в его категориях. По образному выражению З.Я. Тураевой, они выступают своеобразными «ступеньками в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков» [1, с. 80]. Из данного замечания следует, что исследование текста с любой точки зрения делает необходимым выделение и изучение его категорий. Важность исследования категорий текста обусловлена также и тем, что без них (категорий) «невозможно представить сам текст в его типологических чертах», и что более существенно, категории текста являются теми его параметрами «на основе которых можно построить некую идеальную модель этого объекта исследования» [2].

Необходимость категоризации объекта исследования обусловлена также когнитивно. Е.С. Кубрякова считает категории функциями когниции, выступающими как средство упорядочивания феномена. «...Человек обладает способностью категоризовать (т.е. упорядочивать) весь мир его ощущений и опыта» [Кубрякова, 2004]. Существует несколько определений текстовых категорий. В работе И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования», которую, по справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, считают «пионерской» работой в области лингвистики текста, текстовые категории определяются как обобщенные классы форм, «выражающих определенное грамматическое понятие». Понятие же, в свою очередь, понимается как «логико-философская категория, преломленная в языковом сознании и определившая предмет грамматики» [2, с. 15]. Таким образом, текстовая категория базируется на понятийной основе и является грамматической.

Отнесение категорий текста к области грамматики подчеркивает их обязательное формально-структурное выражение в тексте. Т.В. Булыгина и С.А. Крылов подчеркивают, что основанием для отнесения какой-либо категории к разряду грамматических следует признать наличие определенных свойств: дифференциальный признак, причастность к синтаксису, выбор одного из его значений, наличие регулярного способа его выражения [Булыгина, Крылов, 1990]. Ведущими категориями текста являются: информативность, членимость, когезия, категория континуума, автосемантия, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция, завершенность. В зависимости от конкретных целей исследования данные категории могут уточняться или же выделяются новые: сцепление, интеграция, прогрессия, стагнация, образ автора, персональность, причинность и ряд других [1;3]. Большинство лингвистов объединяют категории текста в две группы в зависимости от того, какую сторону текста, содержательную или структурную, они выражают. Эти группы называются содержательные (образ автора, пространство, время, информативность, причинность и т.д.) и структурные (сцепление, интеграция, прогрессия, стагнация и т.д.).

М.П. Ионицэ (1981), О.И. Москальская (1981), Е.А. Реферовская (1983) считают, что текстовые категории правильнее рассматривать как функционально-семантические и определяют

их как «группу языковых средств разных уровней, взаимодействующих друг с другом, которые обладают общими инвариантными семантическими функциями» [Ионицэ, 1981]. Однако подчеркивается, что данное деление условно, в реальном воплощении многие текстовые категории служат одновременно выражением как содержания, так и формальной стороны текста [2; 4].

В западной лингвистической традиции фундаментальным трудом по текстовой лингвистике явилась работа Роберта Богранда и Вольфгана Дресслера «Введение в текстовую лингвистику» (1981). В ней также рассматриваются категории текста, хотя авторы называют их «standards» (стандарт, обязательное условие, норма). Это такие категории: когезия (cohesion), когерентность (coherence), интенциональность (intentionality), приемлемость (acceptability), информативность (informativity), ситуативность (situationality) и интертекстуальность (intertextuality). Авторы монографии подчеркивают, что невозможно представить исчерпывающий анализ текста, так как развитие лингвистической науки все время ставит новые вопросы. В основе их понимания текста лежит положение о том, что текст – это прежде всего коммуникативное событие (communicative occurrence), что и определяет выбор методов его исследования. Предпочтение должно отдаваться не формальным категориям, но тем, которые объясняют природу текста, порожденного человеком. Грамматические формальные категории на уровне предложения не могут раскрыть сущность текста. Упомянутые выше категории текста являются текстообразующими. Текстом следует называть только то коммуникативное событие, которое отвечает этим семи условиям текстуальности. Если одно из них не соблюдено, это не будет коммуникативным событием, а соответственно и текстом. Данные категории делятся на две группы: текстоцентрические (text-centred) и антропоцентрические (user-centred). Последние, в свою очередь, представлены категориями от адресанта (producer-centred) и категориями от адресата текста (receiver-centred).

Когезия и когерентность относятся к первой группе категорий, т.е. текстоцентрическим, так как объектом их внимания является языковой материал. Когезия (категория связности) объясняет, каким образом языковые единицы текста взаимосвязаны. В основе этой категории лежат грамматические правила взаимосвязи языковых единиц. Когерентность, (цельность, целостность) в отличие от когезии, объясняет внутреннюю связь элементов текста посредством связи понятий и концептов, отражающих смысл текста.

Антропоцентрические категории являются обязательными для любого текста, так как посредством их выражается коммуникативная деятельность и коммуникативное взаимодействие между автором текста и его получателем.

Интенциональность – категория адресанта, объясняющая интенции, цели и стратегии коммуникации.

Приемлемость – категория адресата, так как объясняет отношение получателя текста к тексту, является ли текст релевантным для адресата, что мотивирует его желание воспринять информацию текста и проявить сотрудничество в процессе коммуникации. Остальные антропоцентрические категории являются одновременно релевантными как для автора, так и для получателя текста.

Категория информативности отражает степень новизны сообщаемой информации, ее ожидаемость. Адресант текста представляет информацию, от него зависит степень информативности текста. Адресат же проявляет интерес к восприятию информации, кажущейся для него новой, или же отвергает коммуникацию, которая недостаточно информативна, или же, наоборот, слишком перегружена информацией.

Ситуативность относится к двум участникам коммуникативного события. Она определяет насколько текст релевантен, соответствует ситуации коммуникации. Отправитель текста выбирает языковые средства, соответствующие ситуации общения. Получатель текста воспринимает информацию, интерпретирует ее, только оставаясь в рамках ситуации общения. Смысл и использование текста определяются его погружением в ситуацию коммуникации.

Интертекстуальность – категория, направленная как на отправителя, так и на получателя текста. Автор текста строит свое сообщение на прецедентном тексте, адресат текста воспринимает его в зависимости от степени знания предыдущих текстов. В некоторых типах текстов эта категория является более значимой, например, в критических статьях, пародиях, рекламе и т.д. Эти неотъемлемые признаки текста являются конституирующими (термин предложен Д.Серлем): они определяют и создают ту форму поведения, которую мы называем текстовой коммуникацией. Несоблюдение одного из этих признаков ведет к нарушению последней.

По мнению Р. Богранда и В. Дресслера, следует выделять регулятивные принципы (термин предложен Д.Серлем), управляющие процессом коммуникации. Это эффективность (efficiency),

воздействие (effectiveness) и соответствие (appropriateness). Эффективность текста устанавливает зависимость усилий участников коммуникации для достижения цели коммуникации. Воздействие текста определяет степень влияния текста и создание благоприятных условий для достижения цели коммуникации. Интересно заметить, что эти два регулятивных принципа находятся в некоторой оппозиции друг другу. Действительно, немного усилий требуется для передачи простого содержания посредством простых языковых средств. Но такой текст не будет иметь должного воздействующего эффекта. И наоборот, сложный смысл и красноречие автора, реализующее функцию воздействия, являются необычайно трудными для порождения и восприятия или интерпретации слушающим.

Соответствие – это согласованность между условиями общения и способами реализации конституирующих категорий текста. Совокупность конституирующих категорий текста и его регулятивных признаков создают парадигму текстовой коммуникации. Видоизменения внутри парадигмы порождают тексты разного типа. Таковы вкратце конституирующие и регулятивные признаки текста.

Объектом нашего научного внимания является диалогическая коммуникация и диалог как вид текста (диалог (греч. Dialogues) – форма речи, представляющая разговор двух или более лиц). Понимание диалога как коммуникативной деятельности, основанной на речевом взаимодействии говорящего и слушающего, говорит о справедливости «введения понятия личности в лингвистику» [5, с. 10]. В исследовании текста все интенсивнее вводятся «личностные измерения» коммуникативной деятельности [6]. Это могут быть межличностные отношения, коммуникативные и социальные роли собеседников, намерения говорящего и т.д. Устойчивое соотношение адресант – адресат, реализуемое через текст как предметно-знаковое звено коммуникации, является исходной, «базовой клеточкой» диалогического общения [7]. По мнению С.Г. Агаповой подобный подход «определил рамки личностно-ориентированного изучения диалоговой коммуникации» посредством прагматики.

Прагматика определяется как область языкознания, в которой изучается взаимодействие языковых знаков в речи или другими словами использование языка в речи. В нее включаются вопросы, связанные с адресантом и адресатом речи, а также их взаимодействие в процессе коммуникации. Ю.С. Степанов определяет прагматику как «выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения своей мысли или своего чувства, выражения наиболее точного или красивого, или наиболее соответствующего обстоятельствам, ... для наилучшего воздействия на слушающего или читающего» [8, с. 326]. Основными единицами прагматики являются речевые акты и максимы или принципы ведения диалоговой коммуникации.

Прагматика объясняет пробел между грамматическим значением предложения и смыслом, вкладываемым в высказывание говорящим. Этот смысл называют прагматическим значением высказывания [9]. Теория речевых актов объясняет возникновение косвенных смыслов высказывания [10]. В зависимости от смысла, вкладываемого говорящим в высказывание, от его цели проводят классификацию и типологию речевых актов: директивы, вокативы, фатические, интеррогативы, эмотивы и т.д. В целом, речевой акт определяется как минимальная единица речевого общения, произведенная в определенных условиях коммуникации и являющаяся целенаправленной [9; 11]. Предлагается выделять прагмему как единицу языка, которая актуализируется в конкретном речевом общении в речевых актах (Beaugrande R.de, 2004).

Диалог как коммуникативная деятельность регулируется определенными правилами, которые принято называть максимами (по терминологии Г.П. Грайса), или принципами диалогической речи, описанными С.Г. Агаповой. Это принципы: Сотрудничества, Экономии языковых средств, Истинности, Релевантности, Вежливости, Речевого Доминирования, Воздействия, Взаимодействия, Опережающей реакции, Иронии и Языковой Игры [12].

Таким образом, прагматика предоставляет те методы исследования, которые наиболее полно описывают и, что не менее важно, объясняют конституирующие категории текста, в том числе диалогического. Принципы диалогической речи, или максимы, или регулятивные признаки текста позволяют охарактеризовать образ адреса, образ адресанта и их взаимодействие в процессе речевой коммуникации и саму речевую коммуникацию. Только при применении прагматического подхода описание и объяснение диалогической коммуникации получается более полным и достоверным.

Литература

1. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М., 1986.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

3. *Малычева Н.В.* Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. Ростов н/Д. 2003.
4. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник, практикум. М., 2004.
5. *Сусов И.П.* Личность как субъект языкового общения. Сборник научных трудов. 1989.
6. *Агапова С.Г.* О некоторых условиях успешности диалога // Язык. Дискурс. Текст: Материалы 3 международной научной конференции. Ростов н/Д, 2007.
7. *Сидоров Е.В.* Личностный аспект речевой коммуникации и текста // Личностные аспекты языкового общения. Сборник научных трудов. Калинин, 1989.
8. *Степанов Ю.С.* В поисках прагматики. Проблема субъекта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4.
9. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Вопросы языкознания. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4.
10. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
11. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. 2. М., 1999.
12. *Агапова С.Г.* Прагматические особенности английской диалогической речи. Ростов н/Д, 2002.

12 июня 2007 г.

М.В. Ивченко

СТЕРЕОТИПЫ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАМКАХ КОНЦЕПТОСФЕРЫ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Понятие «сказка» – это многогранное, имеющее давнюю историю, обширную типологию и структуру явление, которое следует рассматривать не только в рамках литературоведения, но и в концептосфере того или иного языка. Представлена проблема изучения стереотипов сказочных персонажей в рамках сказочного дискурса русских и английских народных сказок. Практический и теоретический материал позволяет автору сделать вывод, что в английских и русских народных сказках главные герои, несмотря на свои своеобразные стереотипы, выполняют одну функцию: они представляют менталитет своего народа через призму этнокультуры и выражают его в языке, что дает нам право говорить о формировании стереотипа внутри того или иного социума и о его репрезентации в сказочном дискурсе.

Понятие «сказка» – многогранное, имеющее давнюю историю, обширную типологию и структуру явление, которое следует рассматривать не только в рамках литературоведения, но и в концептосфере того или иного языка. Известный исследователь сказочного дискурса В.Я. Пропп определяет «сказку» как «фольклорное или литературное произведение с элементами вымысла и фантастики, которое характеризуется несоответствием в описании окружающей действительности и необычностью событий, о которых в нем повествуется» [1, с. 75].

В английском языке понятие «сказка» детерминируется синонимичными русскому языку семами. Так, согласно «The New Lexicon Webster's Dictionary of the English Language»: «Fairy tale is a story for children about fairies, or about magic and enchantment // a very improbable story // a lie (Волшебная сказка – это рассказ о феях, волшебстве и магии // очень неправдоподобная история // вымысел)» [2, с. 370]. Следует отметить, что в английской культуре «сказка» имеет устойчивые ассоциации с детерминантом «волшебная», так как большинство английских народных сказок можно отнести к «очень неправдоподобным историям, которые могут произойти (произошли) в реальной (бытовой) действительности». В концептосфере русской культуры, «сказка» – это «ирреальное» повествование, которое характеризуется наличием полной абстракции от «реального» мира. Русская и английская народные сказки – это «разные лингвистические и концептуальные универсалии» [3, с. 45].

Характерно, что в данном контексте, мы рассматриваем термин А. Вежбицкой («лингвистические и концептуальные универсалии») в рамках концептосферы сказочного дискурса, которая входит соответственно в концептосферы русского и английского языков. При этом следует иметь в виду, что понятие «лингвистические и концептуальные универсалии сказочного дискурса» мы понимаем как общность этнокультурных особенностей русского и английского языков, которые наиболее ярко проявляют себя в народных (фольклорных) сказках.

«Концептуальные универсалии» русского и английского сказочного дискурса выражены такими концептами как «Ирреальность», «Время», «Чудо», «Волшебство» и др. Перечисленные концепты во многом похожи в обоих языках, что позволяет нам утверждать об их «универсальности» в рамках их этнокультур и концептосфер. Лингвистическая реализация вышеперечисленных концептов базируется прежде всего на традициях, обычаях и верованиях того или иного этноса, что и формирует их этнокультурные особенности в рамках английской (русской) языковой концептосферы.

«Лингвистические универсалии» – это более сложные, нежели «концептуальные» явления, так как они реализуются только в рамках дискурса и их отождествление с этнокультурными особенностями связано с изучением текстов, обычаев, воззрений того или иного этноса на поставленную проблематику. По мнению А. Вежбицкой: «для того чтобы сравнивать значения слов различных языков (таких как, например, правда и truth или душа и soul), нам необходимо *tertium comparationis*, то есть основание для сравнения» [3, с.45]. Предположим, что подобным основанием в рамках русского и английского сказочного дискурса является стереотип сказочного персонажа, что стереотип – это «лингвистическая универсалия», так как стереотипные персонажи можно детерминировать в любом из рассматриваемых сказочных дискурсов.

«Универсальность» народной (фольклорной) сказки в рамках концептосферы русского и английского языков подтверждается мнением А.Н. Афанасьева: «Сказка же чужда всего исторического; предметом ее повествований был не человек, не его общественные тревоги и подвиги, а разнообразные явления всей обоготворенной природы. Оттого она (фольклорная сказка – прим.) не знает ни определенного места, ни хронологии; действие совершается в некое время в тридевятом царстве в тридесятом государстве; герои ее лишены личных, исключительно им принадлежащих характеристических признаков и похожи один на другого как две капли воды» [4, с. 37].

Сравним, например, два наиболее «стереотипных» персонажа русских и английских народных сказок: Иван-дурак и Jack (Джек). В русской народной сказке, Иван-дурак – персонаж положительный, но воспринимаемый социумом в необычном качестве: в большинстве сказок под лексемой «дурак» понимается не прямое значение данного слова («глупый человек, глупец» [5, с. 178]), а переносное – «шут», т.е. человек, который своими поступками вызывает насмешки людей. В концептосфере русского языка слова «шут» и «дурак» не имеют прямого синонимичного значения, но в рамках сказочного дискурса и исторической этимологии, данные слова можно рассматривать в виде синонимов.

Ср.: «Жила-была старуха, у ней был сын дурак. Вот однажды нашел дурак три гороховых зерна, пошел за село и посеял их там. Когда горох взошёл, стал он его караулить...» («Конь, скатерть и рожок»);

«Жил-был старик со старухой, имели при себе одного сына, и то дурака. Говорит ему мать:

– Ты бы, сынок, пошёл около людей потёрся да ума набрался.

– Постой, мама: сейчас пойду.

Пошёл по деревне, видит – два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним; то около одного потёрся, то около другого.

– Не дури, – говорят ему мужики, ступай, откуда пришёл.

А он знай себе потирается.

Вот мужики озлобились и принялись его цепями потчевать: так ошарашили, что едва домой приполз...» («Набитый дурак») [4, с. 136; 314-315].

Таким образом, мы полагаем, что лексема «дурак» в русских народных сказках олицетворяет человека, который поступает нестандартно, ведет себя необычно и «выходит за рамки общественных норм, уклада жизни». Данное предположение подтверждают приведенные выше примеры, в которых в первом случае – «дурак» ведет себя «странно, но с определенной целью», а во втором – «дурит», т.е. ведет себя «неадекватно, показывает отсутствие рассудка». Образ Ивана-дурака – собирательный портрет русского крестьянина, который несмотря на все невзгоды, насмешки и трудности стремится к «заветной» цели, т.е. стремится обрести счастье. Так, во многих сказках Иван-дурак пройдя множество испытаний в итоге становится Иваном-царевичем и обретает свое счастье (царство, невесту, коня и т.д.). Интересен тот факт, что обратного процесса превращения «Царевича» в «Дурака» в русском фольклоре нет.

В английских народных сказках лексема «дурак (a fool)» встречается крайне редко. Это связано прежде всего с тем, что в английской культуре не принято наделять положительных сказочных героев негативными чертами. В этом смысле английская народная сказка более

«толерантна» нежели русская. В ней главный персонаж – Jack (Джек) наделен, довольно часто, только положительными чертами характера.

Ср.: «When good King Arthur reigned, there lived near the Land's End of England, in the country of Cornwall, a farmer who had one only son called Jack. He was brisk and of ready, lively wit, so that nobody or nothing could worst him» («Jack the Giant Killer») [7, с. 13].

«В царствование доброго короля Артура в графстве Корнуэлл, на мысу Лэнд-энд жил крестьянин, и был у этого крестьянина единственный сын по имени Джек. Джек был ловкий парень с таким быстрым и живым умом, что никто ни в чём не мог с ним потягаться» («Джек – победитель великанов») [8, с.146]. Jack (Джек) – это такой же собирательный образ в английской народной сказке, как Иван-дурак в русской, но в отличие от последнего, Джек представлен в английских сказках городским парнем (a boy), сыном небогатых родителей (a son), старым солдатом (an old soldier) и т.д.

Ср.: «Once on a time there was a boy named Jack, and one morning he started to go and seek his fortune» («How Jack Went to Seek His Fortune») [7, с. 5].

«Жил на свете мальчик. Звали его Джек. В одно прекрасное утро отправился Джек счастья искать» («Как Джек ходил счастья искать») [8, с. 78].

Таким образом, стереотипы главных героев русских и английских народных сказок имеют определенные схожие черты, однако, Иван-дурак и Jack по сути – это разные этнокультурные персонажи, которые выражают стереотипное представление того или иного народа о своем собственном герое, который зачастую наделен определенными культурологическими чертами. В английских и русских народных сказках главные герои, несмотря на свои своеобразные стереотипы, выполняют одну функцию: они представляют менталитет своего народа через призму этнокультуры и выражают его в языке, что дает нам право говорить о формировании стереотипа внутри того или иного социума и о его репрезентации в сказочном дискурсе.

Литература

1. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 1998.
2. The New Lexicon Webster's Dictionary of the English Language. – New York: Lexicon Publications, 1990.
3. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 2001.
4. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. М., 1982.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
6. *Афанасьев А.Н.* Русские сказки. М., 1987.
7. English Fairy Tales by Joseph Jacobs. London: David Nutt, 1990.
8. Английские народные сказки. М., 1992.

11 мая 2007 г.

А.В. Малахова

ЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье говорится о явлении языковой асимметрии, которое наблюдается при анализе значений языковых единиц, реализующих категориальное значение определенности/неопределенности в немецком языке, когда с грамматической точки зрения языковая единица является средством выражения неопределенности, а с семантико-прагматической позиции реализует значение определенности. В актуализации категориального значения определенности разноуровневыми средствами немецкого языка семантический признак определенности идентифицируется по факторам реализованности/нереализованности события/действия, конкретности/абстрактности явления/факта, единичности / множественности.

Категория определенности/неопределенности (далее О/Н) была объектом научного рассмотрения многих ученых. Высказывания с использованием средств выражения категории О/Н отличаются друг от друга степенью выраженности значения, семантической неоднозначностью, что проявляется под воздействием различных факторов, имеющих влияние на субъект высказывания в момент формулирования и воспроизведения речевого потока. При рассмотрении

категории О/Н большее внимание уделялось неопределенности как маркированному члену категории О/Н. Вне научного внимания остается подкатегория Определенности, воспринимаемая как данность. В рамках категории О/Н разграничиваются средства, которые выражают неопределенность и обозначают определенность. Однако в коммуникации эти средства переплетаются и под влиянием внешней ситуации представляется явление языковой асимметрии, когда средства выражения неопределенности реализуют категориальное значение определенности.

(1) Als sie wieder an der Bar saßen und die Haremsdame das zweite Stück Streuselkuchen aß und eine Tasse Kaffee dazu trank, kreuzte, während Friedrich bezahlte, ein Schulkamerad auf und bat die Dame zum Tanz [1, с. 24]. Приведенный пример (1) демонстрирует явление языковой асимметрии, когда с грамматической точки зрения в словосочетании eine Tasse Kaffee неопределенный артикль является средством выражения неопределенности, но с семантико-прагматической позиции – это определенность: с прагматической – выделяется объект, с семантической – его свойства (только одна чашка кофе или тот факт, что восточная дама пьет кофе вообще).

(2) „Ich laufe jetzt nach Hause und bringe dir von meinen Klamotten ein Paar Jeans, Unterhemd, Pullover und Socken und ein Paar Schuhe...“ [2, с. 31]. Явление языковой асимметрии можно наблюдать также в конструкциях ein Paar + существительное. О. Есперсен в «Философии грамматики», описывая категорию единичности/множественности, упоминает о таких словосочетаниях. По его мнению, «...везде, где развивается неопределенный артикль, он всегда представляет собой неэмфатическую форму числительного ein...» [2, с. 129], иными словами, являясь грамматическим средством выражения неопределенности, артикль приравняется к числительному один, что указывает на абсолютную определенность. Однако, с другой стороны, «в некоторых случаях невозможно заранее сказать, что следует считать одним предметом: ein Paar Hosen, eine Brille, eine Schere» [2, с. 217]. В примере (2) словосочетания ein Paar Jeans, ein Paar Schuhe с семантико-прагматической позиции означают множественность: пара джинс или пара туфель не актуализуют значение единичности, предполагая изначально наличие у человека двух ног, а значит и частей одежды тоже должно быть две. С другой стороны, ein Paar используется чаще всего для обозначения единичности. Однако ein Paar отсутствует перед существительным Socken, хотя этот предмет одежды также не может использоваться вне пары. Это может быть только в экстремальных случаях. Здесь преобладает прагматическая составляющая и не указывается количество объектов. Кроме того, словосочетание ein Paar отсутствует перед существительными Unterhemd, Pullover, что с большей долей вероятности позволяет интерпретировать конструкции ein Paar + существительное в данном предложении как намерение автора подчеркнуть значение множественности, хотя с грамматической точки зрения словосочетание ein Paar выражает единичность – одна пара. Автор противопоставляет ein Paar Jeans, ein Paar Schuhe и Unterhemd, Pullover, Socken, что повышает прагматический потенциал высказывания.

(3) Es sah so aus, als wäre ein Orkan durchgefegt: Bücher und Musikkassetten lagen ineinander verkeilt auf dem Teppich, dazwischen drei Paar schmutzige Socken, Unterwäsche und eine Jeans [3, с. 48].

В примере (3) можно обнаружить выражение множественности по грамматическому, семантико-прагматическому признакам в словосочетании drei Paar. Drei Paar Socken противопоставляется eine Jeans, где числительное drei и артикль eine означают определенное количество, при этом артикль eine выполняет функцию исчисления (один), и таким образом средство выражения неопределенности становится средством выражения абсолютной определенности. В данном примере не вызывает сомнения значение словосочетания drei Paar, по сравнению с ein Paar в примере (2). Кроме того eine Jeans не содержит конструкцию ein Paar + существительное, и этот факт позволяет заявить, что ein Paar в высказывании (2) в большей степени выражает множественность, а не единичность. Словосочетания ein Paar (2), drei Paar (3), выражая конкретную множественность, актуализуют категориальное значение определенности.

Изучение репрезентации категориального значения определенности разноуровневыми языковыми средствами в немецкоязычном тексте позволяет идентифицировать семантический признак определенности по различным факторам:

- 1) реализованности/нереализованности действия;
 - 2) конкретности/абстрактности явления/факта;
 - 3) единичности/множественности.
1. Фактор реализованности/нереализованности действия

(4) Bis zum nächsten Vormittag waren sie sicher, bis dahin würde niemand die Eisfläche betrete [2, с. 16]

(5) «Ich warte doch dauernd auf dich morgens, weil du nicht fertig wirst, und abends, weil du immer noch nicht fertig geworden bist. Das Leben mit dir ist nur warten, warten, warten» [2, с. 37].

Примеры (4,5) репрезентируют фактор реализованности /нереализованности действия в различных средствах выражения категориального начения определенности. Семантика словосочетания bis zum nächsten Vormittag (4), указывает конкретный период времени (следующая первая половина дня), когда значение направлено на будущее, ожидаемое в ближайшее время, что свидетельствует о нереализованности события к моменту речи, коррелируя со значением неопределенности. В примере (5) наречия morgens и abends, являясь одним из средств выражения определенности, указывают периоды времени – «по утрам» – начало дня и «по вечерам» – конец дня. Семантика этих наречий предполагает повторяемость событий – каждое утро и каждый вечер реализуется одно и то же действие, когда юноша ожидает девушку, что актуализирует категориальное значение определенности.

2. Фактор конкретности/абстрактности явления/факта

(6) Ehe Friederike etwas erwidern oder ihn zurückhalten konnte, hörte sie schon die Tür schlagen und gleich darauf Friedrichs Schritte über die Betonplatten hasten. Friederike wagte sich kaum zu rühren. Angstvoll hörte sie, während sie allein in der Hütte war, auf das leiseste Geräusch; als er nach einer knappen halben Stunde außer Atem zurückkehrte, wäre sie am liebsten aufgesprungen und hätte ihn umarmt. Die versprochenen Kleider trug Friedrich in einer Plastiktüte bei sich. [2, с. 42].

(7) Sie war hingerissen vom Spiel der Eichhörnchen, von ihren eleganten, ruckartigen Bewegungen, den katzengleichen Sprüngen, und vergaß darüber alles andere. [2, с. 53].

Семантический признак определенности по фактору конкретности/абстрактности явления или факта можно наблюдать в приведенных текстах (6,7). Средства выражения категориального значения определенности в примере (6) свидетельствуют о конкретном времени (einer knappen halben Stunde), конкретных событиях (Friedrichs Schritte) и состоянии (allein). Alles andere в примере (7) демонстрирует абстрактность явления, предполагая неопределенность, однако местоимение alles выражает семантическую определенность по количественному показателю. Прилагательное andere в сочетании с alles уточняет количественную сущность явления через выделение определенной части от целого (все = это + другое).

3. Фактор единичности/множественности

(8) Nun begann eine Befragung aller, und jeder fragte jeden, aber es war wie verhext: unterwegs waren alle der Meinung gewesen, Friederike laufe in einer anderen Gruppe weiter vorn oder weiter hinten mit. Niemand hatte sie vermisst – auch deshalb nicht, weil alle dachten, sie könne nur in Friedrichs Nähe sein [2, с. 61].

Местоимения alle, jeder, niemand, относящиеся к разряду неопределенных, в данном контексте коррелируют с субъектом по фактору актуальной множественности, что свидетельствует о реализации категориального значения определенности. Здесь семантика местоимения alle складывается из конкретных единичных слагаемых, что в сумме составляет совершенно определенный круг лиц, нечто целое, единое, которое противопоставляется нейтральному значению неизвестности и множественности, содержащемуся изначально в местоимении alle. А местоимения jeder и niemand утрачивают сему «любой», актуализуя значение «каждый, конкретный человек из группы» и исключают множество интерпретативных вариантов.

При анализе значений языковых единиц, выражающих значение определенности/неопределенности в немецком языке, можно обнаружить явление языковой асимметрии, когда с грамматической точки зрения языковая единица является средством выражения неопределенности, с семантико-прагматической позиции реализуется противоположное значение. В актуализации категориального значения определенности разноуровневыми средствами немецкого языка семантический признак идентифицируется по факторам реализованности/нереализованности события/действия, конкретности/абстрактности явления/факта, единичности/множественности.

Литература

1. *Grün, Max von der.* Friedrich und Friederike [Текст] / M. von der Grün. Berlin., 1995.
2. *Есперсен, О.* Философия грамматики. М., 2002.
3. *Mechtel, Angelika.* Die Drogenkarriere des Andreas von B. Ravensburg: Otto Maier Ravensburg, 1998.

18 июня 2007 г.

ВАРИАТИВНОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ С ЭКСПЛИЦИТНЫМ МОДУСОМ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ

Рассматриваются изъяснительные сложноподчиненные конструкции как прототипические синтаксические структуры с эксплицитным модусом пропозициональной установки на материале русского и немецкого языков. Исследуются возможности передачи дополнительных значений главной частью изъяснительных конструкций в условиях варьирования их структурно-синтаксического оформления, а также случаи редукции модусного компонента до вводного или модального слова в моделях простого предложения.

В широких научных кругах во второй половине XX в. деятельностные концепции языка приобретают все большее значение. Новым содержанием наполняется категория объекта исследования: язык рассматривается как процесс, воспроизводящий некоторые устойчивые состояния и изменчивый в ряде иных характеристик, а также как уникальная система, характеризующаяся открытостью и саморазвитием [1, с. 17]. Показательными в этом плане являются конструкции с эксплицитным модусом пропозициональной установки (далее КЭМ), представленные как в славянских, так и германских (в частности, немецком) языках. Под модусом пропозициональной установки понимается отношение говорящего, воспринимающего, думающего субъекта к предмету речи. Об эксплицитном модусе принято говорить в тех случаях, когда модальное отношение представлено линейно, в наиболее типичных случаях в виде подчиняющего (модусного) и подчиненного (диктумного) предикатов в рамках изъяснительного сложноподчиненного предложения (ИСПП). Предикаты эксплицитного модуса формируются преимущественно глаголами пропозиционального отношения: перцептивными, ментальными, эмотивными, волитивными [2, с. 109], а также словами других частей речи, глагольными фразеологическими сочетаниями, обладающими указанной семантикой, или же оценочными предикативными наречиями. Речевой средой существования таких конструкций являются в основном тексты художественной и публицистической литературы, которые отличаются высокой степенью антропоцентричности и персуазивности. В роли пропозиции, раскрывающей содержание предиката эксплицитного модуса (глаголов, имен и других слов), наиболее часто выступают объектно-делиберативные придаточные. Например: Лешка чувствовал, знал, что есть другая – настоящая, большая правда, но не умел облечь ее в слова... (Н. Дубов); Sie haben erfahren, dass ich reich bin. Aber sie wissen wahrscheinlich nicht, dass dieser arme Enkel meinen neuen Mercedes zu Schrott gefahren hat (I. Noll).

Подобные ИСПП могут быть охарактеризованы как прототипические синтаксические структуры эксплицитного модуса, семантика их модусных предикатов (чувствовал, знал, haben erfahren, wissen) соответствует категориальному значению части речи и выражена изосемическим средством – глаголом [3, с. 44]. Они являются наиболее репрезентативным вариантом инвариантного системного объекта (КЭМ) и характеризуются наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и наиболее высокой степенью регулярности функционирования [4, с. 6].

Динамизм КЭМ проявляется в синонимическом варьировании формы предикатно-модусной части, в частности, весьма высокой частотности рефлексивных глаголов, представляющих содержание придаточного предложения как виртуальное (кажется, думается, представляется, чудится, снится), предикативов на –о (ясно, видно, слышно, жалко/жаль, важно, klar, schade, wichtig, kein Wunder), что переводит придаточное предложение в формальную позицию именительного падежа, не меняя ее роли и характера отношений с модусной. При этом субъект главного предложения нередко оказывается неназванным или же переводится в статус дательного субъекта. Например: Кузня была теплая, и чудилось, будто прокопченная крыша ее таяла, как сахар в воде, растекаясь густо и прозрачно в холодном воздухе (Г. Семенов). Без плаща и фуражки он выглядел моложе, чем показалось Лешке на улице, только теперь стало видно, что он худой и от этого кажется еще более высоким. (Н. Дубов). И мне теперь казалось, когда я задремывал, проваливаясь в сон, что Юля не случайно сказала о реке и о теплой воде... Мне думалось, что она это для меня сказала, приглашая (Г. Семенов). Kein Wunder, dass Hella da weg wollte (A. Fried). Ist

doch klar, dass man als Mann da reagiert (A. Fried). Zu schade, dass Arne Ihnen nicht helfen konnte! (A. Fried).

Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения как модификации лично-глагольных, двусоставных, обладают дополнительным смыслом. Поскольку по природе действие не может быть бессубъектным, неназванность субъекта приобретает особое значение, а именно передает «дополнительное значение инволютивности, независимости состояния от воли его носителя» [5, с. 109].

Когниции, передаваемые КЭМ, могут быть выражены моделями простого предложения с вводными и модальными словами, которые в русском языке нередко совпадают по форме с предикатами главного предложения ИСПП. Например: Я, кажется, ничего смешного не сказал...(Н. Дубов). Видно, у тебя эта штука и в самом деле для орехов...(Н. Дубов). А поселок Лебяжий раньше, несомненно, был столичным городом (Вс. Иванов). Возможность редукции модусного компонента до вводного слова и относительное безразличие к форме модусного компонента обусловлены асимметричностью отношений частей КЭМ, а именно значительно большей смысловой и информативной весомостью придаточной части по сравнению с главной [3, с. 361].

Литература

1. Штайн К.Э. Системный подход к изучению динамических явлений на синхронном срезе языка: Учебное пособие. Ставрополь, 2006.
2. Арутюнов Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
4. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1.
5. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 1.

2 июня 2007 г.

Г.Н. Шаповал

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ

Переводчик поэзии обременен необходимостью соблюдать различные правила оформления текста. Поэтическая форма традиционно поставлена в жесткие рамки ограничений. Ритм, размер, количество стоп, рифма, тип чередования рифм, каденция, строфа, рефрен, звукопись – это те особенности формы, которые, сочетаясь, придают стихотворению особый параметр музыкальности. Поскольку в художественном тексте эстетическая информация доминирует, доминантами перевода являются все названные формальные особенности. В то же самое время переводчик поэзии должен обладать обширными культурологическими знаниями, и, сохраняя свою авторскую самобытность, создать на языке перевода адекватный по силе прагматического воздействия на получателя перевод данного стихотворения, а не свою собственную интерпретацию.

Известная формула гласит: «Переводчик в прозе раб, переводчик в стихах – соперник». Говоря о переводе поэтических произведений, нельзя не отметить, что, если в переводе прозы еще можно представить себе какие-то технические правила, то перевод поэзии кажется непостижимым. Тем не менее, никто, пожалуй, в такой степени не обременен необходимостью соблюдать различные правила оформления текста, как переводчик поэзии. И никто с такой серьезностью не относится к сохранению многочисленных условностей формы. Дело в том, что поэтическая форма традиционно поставлена в жесткие рамки ограничений. Ритм, размер, количество стоп, рифма, тип чередования рифм, каденция, строфа, рефрен, звукопись – это те особенности формы, которые, сочетаясь, придают стихотворению особый параметр музыкальности, те внутренние балки, которые придают архитектурному сооружению стиха неотразимую привлекательность. Ни в каком другом тексте игра формы не имеет такого значения, нигде больше эстетическая

информация не представлена такой концентрацией средств, как в поэзии. Поскольку в художественном тексте эстетическая информация доминирует, доминантами перевода являются все названные формальные особенности.

Как утверждает И.С. Алексеева [1], при переводе поэтических произведений необходимо следующее: 1) сохранить размер и стопность; 2) сохранить каденцию, то есть наличие/отсутствие заударной части; 3) сохранить тип чередования рифм – смежная, перекрестная, опоясывающая рифма и т.д. 4) отразить звукопись – полностью сохранить ее вряд ли возможно, но важно воспроизвести ее окраску, сохраняя в переводе повтор фонемы, близкой по звучанию фонеме подлинника, причем переводчику часто приходится жертвовать связью между смыслами слов, которые соединяет фонетический повтор; 5) сохранить количество и место в стихе лексических и синтаксических повторов. Задача выполняемая, хотя потери неизбежны у любого переводчика, и не случайно всегда равноправно существует несколько версий перевода стихотворного произведения. Но поэзия прежде всего музыкальна, потому как показывает история, в культурном наследии в первую очередь надолго запечатлеваются стихотворные переводы, достоверно сохраняющие поэтическую форму подлинника, хотя не все компоненты содержания в них переданы. Здесь переводчику может мешать собственная индивидуальность – это сила, бессознательно стремящаяся к самовыявлению, к тому чтобы освободиться от неременной верности оригиналу, вводит в соблазн «интерпретировать» и «обогащать» его. Иногда же активная творческая индивидуальность поэта переводящего начинает как бы служить поэту переводимому и происходит своеобразное «переливание крови» [2, с. 219].

Как утверждает В. Львов [2, с. 238], переводчик – не просто «почтовая лошадь просвещения», но он сегодня еще и полпред культуры. А тут уж мало знать язык, тут надо быть настоящим страноведом, и историком, и художником. По словам переводчика В. Левика, при переводе «Лорелеи» Гейне он был бы рад найти более точную по смысловому содержанию рифму слову «Лорелея», чем «свирепея», но не нашел. Идеал всегда остается недостижимым. Где верный критерий оценки? Но ведь критерий оценки меняется буквально от строфы к строфе: здесь нужно передать мысль, там – образ; здесь поэт завораживает вас аллитерациями, оркестровкой стиха – там пленяет острой, оригинальной лексикой. Устанавливать какие-либо общеобязательные нормативы (как и по отношению к любому искусству) попросту наивно. Главная трудность переводчика – это поиски безопасного прохода между «Сциллой точности и Харибдой свободы» [2, с. 159].

Говоря о трудностях перевода поэзии, нельзя не упомянуть проблему подстрочника, вопрос о котором продолжает оставаться одним из спорных в переводоведении. Осужден был этот метод еще в середине XX в., однако, несмотря на неоднозначное к нему отношение, он по-прежнему является одним из способов двустадийного метода перевода. Двуязычные переводчики зачастую относятся скептически к своим одноязычным коллегам, забывая, что заслуга тех, кто в масштабах многонациональной России и не только нашей страны переводит с подстрочника, пока качественно и количественно больше и выше, чем заслуга тех, кто способен переводить непосредственно с оригинала. Однако следует признать, что одноязычным переводчикам не следует уповать на свою интуицию, писательский дар и мастерство, так как очевидно то, что никакой талант не может заменить живого чувства оригинала, если переводчик не может ощутить все стилистические тонкости оригинала, которые обычный подстрочник передать не в силах.

Через подстрочник идет познание истины оригинала. Переводчик идет от поверхностной передачи оригинала к передаче его сути, смысла, ядра. Он постигает оригинал, проникает в него. Он останавливается на том варианте, который ближе всего к истине оригинала. Одним словом, подстрочник, с точки зрения теории творческого процесса, является необходимым промежуточным звеном в творчестве вообще – звеном оригинала к переводу или от замысла к произведению [2].

Литература

1. Алексеева И.С., Профессиональный тренинг переводчика. СПб., 2001.
2. Художественный перевод. Проблемы и суждения // Сборник статей. М., 1986.

14 июня 2007 г.